

Художник и время
Коммунизм Сталинская - Жуковское, - 1970 - 18 апреля.

«Это великая гордость —

играть Шостаковича, быть современником Шостаковича»

Выдающийся советский виолончелист Мстислав Ростропович, пятнадцать лет назад покинувший родную землю и лишенный гражданства СССР, дал во главе Вашингтонского симфонического оркестра несколько концертов в Москве и Ленинграде. И после столь долгого отсутствия прославленный maestro исполнил на родине прежде всего произведения Дмитрия Шостаковича, его Пятнадцатую симфонию, лебединую песнь Мастера.

В СССР никогда не звучали партитуры Шостаковича в интерпретации Ростроповича — дирижера. Когда он покидал родину, его дирижерская деятельность только начиналась. Но москвичи помнят, каким богатством художественных открытий сверкали его прочтения оперы «Евгений Онегин» в Большом театре или Шестой симфонии Чайковского в памятный вечер 10 мая 1974 года в Большом зале консерватории, когда Москва прощалась со своим великим соотечественником.

Есть свидетельства, что Шостакович говорил тогда, не сдерживая слез: «На кого же вы меня бросаете умирать, на какие руки?». Ибо в те годы вряд ли кто из выдающихся музыкантов стоял так близко к Шостаковичу, как Ростропович и его жена певица Галина Вишневская. После их отъезда из страны прошло немногим более года, и Шостаковича не стало.

Близость великих музыкантов начиналась лет 35—40 назад, когда Московская консерватория еще, можно сказать, сотрясалась от гулких собраний и коридорных шепотов о «космополитах» и «формалистах-какофонистах», усваивая мрачный урок разгромного постановления ЦК

КПСС 1948 года о музыке. Ростропович уже в самом начале пути мощью своего артистизма притягивал к себе таких выдающихся музыкантов, как Прокофьев и Шостакович. Именно в тесном контакте с ними начал он реформу виолончельного искусства XX века, превратившую виолончель в «фаворитный» концертный инструмент с богатым репертуаром.

Смолоду нес в себе Ростропович непреклонность воли, внутреннюю независимость. Она питала его творческое и человеческое кредо. Она диктовала ему и дружбу с опальным больным Прокофьевым, и защиту гонимого Солженицына, и поддержку Шостаковича в самые тяжелые годы его жизни. Такими годами стали для композитора 60-е, когда с началом гонений на Тринадцатую симфонию «Бабий яр» (на стихи Евгения Евтушенко) уходили последние иллюзии хрущевской «оттепели». Вновь поднимали голсу враги Шостаковича, создавая вокруг него атмосферу подозрительности и недоверия. Под подозрением был сам союз композитора с мятежной музой молодого Евтушенко. Для нарождавшейся новой брежневской бюрократии вокально-симфоническая поэма «Казнь Степана Разина» Шостаковича-Евтушенко, григнувшая сразу вслед за отстранением Хрущева (ее премьера в Москве состоялась в декабре 1964-го), могла показаться слишком дерзкой и опасной метафорой. Мощный социальный голос Шостаковича будил гражданские чувства, звал к мужеству и борьбе, к совести и абсолютной правде. Но в музыке его звучали уже и отрешенно-прощальные мотивы.

Именно в середине 60-х годов дружба Шостаковича и Ростроповича стала серьезнейшим фактором консолидации сил музыкальной интеллигенции, всего фронта сопротивления «шестидесятников». Не случайно в 1966 году свой 60-летний юбилей Шостакович встречал премьерой Второго концерта для виолончели с оркестром, посвященного Ростроповичу. Это сочинение začínало тот скорбный ряд высоких прощальных творений Мастера с их по-новому «тихими», запретными финалами, где композитор словно вступал в последний исповедальный диалог с вечностью.

В дни подготовки премьеры мы встретились с М. Ростроповичем для беседы о личности и творчестве Шостаковича. В то время, впрочем, Ростропович и не мог говорить ни о ком другом. Как сейчас помню: мы сидим в его рабочем холле, обитом синей кожей, где на небольшом подиуме стоит рояль. Я вижу здесь только один портрет — Дмитрия Шостаковича. И слышу слова о нем:

— Неизмеримо усложняется мир человека. И получает глубину невероятной силы. Вскрыть ее может только великий писатель или музыкант. Шостакович — из породы этих могучих. Мне всегда казалось, что Шостакович знает о человеке все. С детства я пугался его эрудиции. Есть точка зрения, что Шостакович отражает в музыке античеловеческое, страшное, бездушное начало, воссоздавая трагическую правду XX века. Вас интересует мое мнение? Я не вижу в музыке Шостаковича «сил зла». Я вижу просто силу. Я вижу

невероятную силу человеческого характера. И знаете что? Мы плохо знаем себя. Мы плохо видим или не хотим видеть себя. А музыка Шостаковича — это мы сами, наша не познанная до конца жизнь. В этой музыке вся громадная амплитуда нашей жизни — от глубоких разочарований и трагических столкновений до просветлений и гордых надежд.

Так говорил Ростропович 23 года назад, и в его речи звучала новая правда в оценке личности и творчества Шостаковича, неслыханная по тем временам, полная глубокого подтекста. И еще: Ростропович как бы пророчествовал о своем дирижерском будущем. Разбирая Концерт для виолончели Шостаковича, восхищаясь «непостижимым мастерством» творца, он говорил:

— Я всегда завидовал дирижерам. Я всегда мечтал о виолончели со ста струнами. Но талант Шостаковича преодолевает несовершенство инструмента. Играя эту музыку, я впервые чувствую себя на музыкальном уровне дирижера. Шостакович наделяет виолончель качеством невиолончельной силы... Играть Шостаковича, быть современником Шостаковича — это гордость, великая гордость!

Сегодня мы уверенно можем сказать, что именно музыка Шостаковича в конце концов «вытолкнула» Ростроповича за дирижерский пульт, потому что в следующем году он уже ставил в Большом своем «Евгения Онегина». Одна символическая подробность: Шостакович в своей единственной дирижерской попытке решил выступить именно с Ростроповичем. Они исполняли Первый концерт для виолончели с оркестром

на фестивале в Горьком в ноябре 1962-го.

Как известно, в 1970 году М. Ростропович сделал решающий выбор, отослав свое знаменитое «Открытое письмо» в защиту А. Солженицына редакторам центральных газет.

Как ни трудна и опасна была для него сия гражданская акция, творил он ее с достоинством великого музыканта. Защищая Солженицына, он выступил одновременно и в защиту Шостаковича и его «репрессированных» произведений. Имя Шостаковича упоминается в письме шесть раз.

Минуло четырнадцать лет со дня кончины Д. Шостаковича. И все эти годы не ослабевала духовная нить, соединившая когда-то фортуны двух великих русских музыкантов. Когда на родине Шостаковича его «опальные» симфонии не звучали, отверженный Ростропович, без всякой надежды на похвалу соотечественников, был неутомимым их пропагандистом на Западе. А недавно стал исполнителем никогда ранее не звучавшего «Антиформалистического раяка» Шостаковича, сочиненного им еще в годы гонений на композиторов-«формалистов».

В канун приезда Мстислава Ростроповича на гастроли в Советский Союз все громче раздавались голоса о долге нашего общества и государства вернуть этому выдающемуся музыканту советское гражданство. Сегодня Мстиславу Ростроповичу и Галине Вишневской возвращено советское гражданство.

Тамара
ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО,
искусствовед.
(АПН).